

Марина
СЕРОВА

**Ледяной
лабиринт**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Ледяной лабиринт
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69867064
Ледяной лабиринт: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-194688-3*

Аннотация

Соскучились по детективным головоломкам, держащим в напряжении до последних страниц? Новый роман из серии о Татьяне Ивановой – именно то, что вам нужно.

Никто не ожидал, что эта вечеринка закончится убийством. Кому мог перейти дорогу перспективный студент, душа компании и просто хороший парень? Впрочем, не всё так просто. Убитый горем дядя этого парня явно что-то недоговаривает, да и его знаки внимания к частному детективу Татьяне кажутся неуместными. Предстоит достать не один скелет из шкафа, чтобы докопаться до правды.

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в

Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марина Сергеевна Серова

Ледяной лабиринт

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М. С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Январский мороз привычно игнорировал теплую одежду, пробираясь, казалось, в самое нутро. До официального окончания самоназначенного отпуска было еще несколько дней, но телефонный звонок от потенциального клиента заставил меня ехать в офис через холодную серость среднерусской зимы и позднесоветской застройки. В это время года в Тарасов не стоило вглядываться. То немногое, что уцелело от купеческого прошлого городка, теперь сиротливо ютилось между хрущевками и новостроем предпринимательского бума девяностых.

На крыльце меня ждала женщина лет примерно пятидесяти в цигейковом полушубке и ее дочь в ярком необъятном пуховике, какие сейчас носила молодежь. Девочке было не больше восемнадцати. Красные заплаканные глаза, дерганые движения и усталость в осанке – все это указывало на сильные переживания.

– Помогите нам, пожалуйста! – Она всхлипнула и замолчала, видимо, стараясь не расплакаться, когда за нами закрылась дверь кабинета.

– Понимаете, – вступила в разговор ее мать. – Кирилл, молодой человек Аси, погиб в новогоднюю ночь. Полиция считает, что это несчастный случай.

– Это не так, его убили! – На этот раз девушка всхлипнула

громче и, уже не стесняясь, позволила себе слезы.

– И что заставляет вас считать, что это было убийство? – Не то чтобы мне не нравилось мозолить глаза бывшим коллегам, но в ближайшие планы поход в прокуратуру не входил определенно.

– Кирюша был очень хорошим мальчиком. Правильным таким. Мне он нравился. А в полиции нам сказали, что когда они с компанией праздновали, то все употребляли, и алко-голем дело не ограничилось. Якобы он вышел на мороз и замерз насмерть, – женщина рассказывала, не прекращая поглаживать по спине дочь.

– Он не наркоман! И он не пил вообще! – горячо возражала Ася.

– Это правда, – подтвердила мать. – Он в этом плане был очень надежным. Ни к чему не прикасался.

– А вы, – обратилась я к девушке, – были рядом с ним в ту ночь?

– Нет, – куда-то в платок простонала девушка. – Я с ангиной свалилась в тот день. Кирюха хотел все отменить, но я не дала. Праздновали у него в коттедже. Дура! Не надо было его пускать!

– Мы вас очень просим, – женщина поджала губы, но, осмелев, продолжила: – Чтобы расследование Кирюшиной гибели не пустили на самотек. В полиции нас не стали слушать. Сами понимаете, как это выглядит. – Женщина снова погладила дочь. – Я просто хочу сказать, что Кирилл был

слишком ответственным для такой смерти. Поэтому в голове не укладывается, что он мог так запросто оказаться на морозе.

Я согласилась взяться за это дело, малодушно полагая, что, скорее всего, версия следствия верна. Просто хотелось как-то утешить девушку, чтобы этот печальный эпизод остался в прошлом. В конце концов, никто из нас не застрахован от нелепой смерти, каким бы ответственным и собранным ни был человек.

Кирилл оказался студентом четвертого курса Педагогического института. Будущий педагог-психолог рос сиротой. Ему было четырнадцать, когда родители погибли в автокатастрофе. С тех самых пор он воспитывался дядей со стороны матери. Последний год часто жил у Аси, поэтому ее мама, Алевтина Ивановна, так хорошо узнала его.

– А дядя Кирилла тоже не согласен с выводами следствия? – не стоило идти вразрез с желаниями семьи.

– Александр Николаевич очень сложный человек, – не сразу ответила женщина. – Мы почти не разговаривали о случившемся. Честно говоря, я не знаю как. Он не из тех людей, к кому можно просто подойти и поделиться тем, что тебя мучает.

Напоследок я попросила Асю приготовить оставшиеся у нее вещи Кирилла, фотографии, записки – все, что могло помочь мне понять характер молодого человека. Я надеялась, что в домашней обстановке рассказ о Кирилле дастся

ей легче.

В прокуратуру ехать не хотелось, но другого выхода у меня не было. В негласной войне частных и работников официальных правоохранительных органов преимущество было за последними. Честь мундира блюлась строго, и к бывшим коллегам там относились настороженно.

У пропускного пункта стоял Киря, отдавал распоряжения и периодически что-то кричал куда-то в глубь коридора.

– Владимир Сергеевич, добрый день! – отрапортовала я.

– Таня? А ты чего здесь? – Лицо мужчины светилось после праздничным довольством. – Проходи давай. Ты ко мне?

– Увы, Киря, я иду к Папазяну.

– Иванова, ты совсем жить спокойно не любишь?

– И насколько не люблю, Кирь?

– Ненавидишь, – заключил подполковник.

– Он снова одинок? – обреченно предположила я.

– Кабинет тебе известен, – отчеканил Киря голосом родителя, отчитывающего ребенка.

Не то чтобы мне не нравился Гарик. Он хороший следователь и неглупый человек, но подчеркнута навязчивое внимание с его стороны ко всему женскому полу, независимо от возраста и социального статуса, изрядно утомляло.

Его кабинет располагался справа от лестницы на втором этаже. Через открытую дверь до меня доносились обрывки телефонного разговора.

– Здравствуй, Гарик! – Моя сумка громче, чем планиро-

валось, упала на стул перед ним.

– Вы только посмотрите, кто пришел – очаровательная ди-
намщица! Ты ошиблась дверью или сегодня самый счастли-
вый день в моей жизни? – Он вскочил с места, порываясь
обнять меня.

– Остынь, ретивый! – препираться с Гариком можно было
бесконечно. – Кажется, мы с тобой теперь работаем над од-
ним делом, а у коллег в чести субординация.

– Ты полегче тут, с выражениями, – он добродушно хмык-
нул. – Дай угадаю, ты по делу Зябликова пришла? Его де-
вушка всю прошлую неделю здесь торчала.

– Ася, да. А что, она не права в своих подозрениях? – Я
решила действовать аккуратно.

– Не то чтобы совсем не права, но и улик, наверняка ука-
зывающих на убийство, пока нет, либо они косвенные. Ждем
токсикологию на следующей неделе. Скажи лучше, насколько
тесное сотрудничество ты со мной планируешь? – Он ни-
когда не сдавался.

– Настолько, чтобы тебе не было мучительно больно, ко-
гда ты решишь справить малую нужду.

– Угроза при исполнении... Иванова, да ты никак флир-
туешь! – Я даже позавидовала тому, как легко было сделать
этого человека счастливым.

– Папазян, блин! Дай мне, пожалуйста, ознакомиться с де-
лом, а я взамен обещаю держать тебя в курсе, если что-ни-
будь интересное накопаю. Идет?

– Давай так: я заезжаю за тобой часиков в семь и мы идем кутить куда пожелаешь.

– Слишком долго, – я была неумолима. – Прямо сейчас! Ты, я, в родной столовке за котлетой с пюре. У тебя есть минута на обдумывание и возможность соблазнить меня в предложенных условиях. Но предупреждаю сразу: без дела Зябликова шансов у тебя нет.

– А с ним, значит, есть? – крикнул он мне вслед.

Прокурорская столовая ничем не отличалась от всех прочих столовых в Тарасове, да и по всей России. У раздаточного стола уже образовалась небольшая очередь. В меню был традиционный суп, что-то мясное, пара гарниров и салатов на выбор. Женская часть коллектива брала выпечку, мужская – дополнительную котлету. Запах кислой капусты и прогорклого масла будил первые воспоминания о детсадовской кухне и школьном питании, заставляя внутренне собраться. Если на земле и было более неподходящее для романтики место, то вот оно!

Я заняла стол у окна, нагрузив поднос всем, чем планировала, и компотом на сладкое.

– А почему не кофе? – удивился Папазян, когда спустя десять минут все же решил присоединиться ко мне за обедом.

– Потому что кофе должен быть настоящим, а не тем, что из него пытаются сделать здесь, – поведала я.

– Ну, у нас на этаже автомат поставили, – похвастался Гарик, чем тут же заслужил мое презрение.

– Папазян, варка кофе – процесс медитативный, не терпящий суеты, интимный, если хочешь. Это же почти приворотное зелье. А ваши автоматы и растворимая бурда сделали из него гастрономический ширпотреб. Давай дело! – командовала я, пока Гарик, бдительность которого слегка притупилась моей лекцией, ковырялся в печеночном салате.

Я увидела фото с места происшествия. Кирилл лежал, завалившись на бок, в порванном полосатом свитере поверх футболки, неестественно откинув назад голову. Его нашли в двухстах метрах от дома, сразу за оградой.

– Почему так далеко от дома? Если он замерзал, не логично ли было стучать в двери, попытаться разбить окно? – начала я.

– Возможно, он был не в себе. В такие моменты с логикой не дружишь. Или он мог позвать на помощь соседей. – Гарик сделал паузу. – Хотя их коттедж стоял вдалеке от остальных домов. Всего несколько семей живут зимой в дачном поселке. Мы их опросили, они ничего не видели.

– Отчет о вскрытии?

– Пока только предварительный, ждем анализы. Можешь сама поговорить с судмедом, я тебе справку напишу, – голос мужчины стал вкрадчивым.

– Что в предварительном? Алкоголь, наркотики? – зацепилась я за фразу Папазяна «не в себе».

– Наркотики, Тань. Предположительно героин, точно будет ясно, когда анализы придут.

– Спасибо.

– Спасибо, Таня, вечером не приголубит, – он решил действовать напролом.

– Папазян, а я не старовата для тебя? – сохранять нейтралитет в общении с Гариком – это все равно что постоянно убирать с одежды кошачью шерсть: как бы тщательно ни чистил, она все равно вылезет.

– Так я ж тебя не замуж зову, – иных женщин честность Гарика обезоруживала.

– То-то и оно!

Мешкать не стоило, задумчивый Папазян был медлителен и сговорчив. Я так и не поняла, что в нашем разговоре заставило его резко сменить настрой от попыток позвать «в номера» до почти уютного молчания, но была благодарна. Показавшееся с первого взгляда тривиальным дело о подростковой безалаберности теперь мне виделось пусть и страшной, но увлекательной загадкой.

Глава 2

Городская Судмедэкспертиза располагалась в здании постройки пятидесятих годов прошлого века. Выкрашенный в серый фасад стиля сталинский ампи́р внушал обывателям священный ужас перед этим, как называли его сотрудники, «храмом смерти». Преодолев ступеньки и тяжелую дверь, я оказалась в маленьком вестибюле, выстроенном из гипсокартона, врезавшись в первоначальной планировке.

– Мне нужно к Осиченко, не подскажете, как его найти? – спросила я охранника, предъявляя документы.

Невысокий пожилой мужчина с пышными седыми усами посмотрел на распечатку списка всех служащих, висящую сбоку.

– В двести втором. Сейчас вот по лестнице на второй этаж и налево. Не заблудитесь.

Возле кабинета было пусто. Посетители ожидали своей очереди дальше по коридору.

– Можно? – сунула я голову в открытую дверь. – Мне нужен Осиченко Евгений Донатович. Я по поводу трупа.

– А к нам по другим поводам и не ходят, – хохотнул большой мужчина, неожиданно легко для своего веса поднимаясь из-за стола. – Минуточку, девушка, я его сейчас позову.

Он прошел в соседнее помещение и гулко, на весь коридор позвал коллегу: «Донатыч! К тебе пришли!» После чего

предложил пройти в кабинет и подождать уже там.

Спустя пару минут появился небритый мужчина, державшийся с достоинством, но источающий легкое коньячное амбре.

– Прошу прощения, у коллеги юбилей, – сказал он в оправдание своего вида. – Так вы из полиции?

– Почти, – я протянула ему справку с подписью Папазяна и удостоверение частного детектива.

– Интересно. – Он вернул документы. – Я слушаю вас, Татьяна Александровна.

– Я по делу Кирилла Зябликова. Видела ваш предварительный отчет, и у меня возникла пара вопросов. Вы сейчас можете назвать хотя бы предположительную причину смерти?

– Все еще сложно сказать, – начал он, авторитетно откашлявшись. – Я нашел патологические изменения в сердце и легочной ткани. Что их вызвало, покажет токсикологическая экспертиза. Пока ждем. Кроме того, юноша совершенно определенно был на морозе. Если посмотрите отчет, то увидите упоминание проталинки. Это значит, что он был еще теплым, когда оказался в снегу. Неизвестно, живым ли, но теплым определенно. На теле присутствуют ссадины и гематомы. Одна, очень большая, находится в затылочной части головы и заходит на переднюю поверхность шеи. На одежде не обнаружено посторонних следов. Интересно, что ботинок на мальчике был только один. Люди, умирающие от

переохлаждения, в какой-то момент, испытывая непреодолимый жар, начинают стягивать с себя одежду, но никогда только один ботинок. Поза, в которой нашли Кирилла, больше напоминает положение упавшего при толчке. Например, при драке. Или когда человек теряет сознание и какое-то время катится, прежде чем остановиться. Люди, которые замерзают, укладываются, как будто собираются спать. Холод неспроста называют ласковым убийцей. Как видите, вопросов много у самого.

– А я могу увидеть тело или хотя бы осмотреть вещи? – не особо надеясь на успех, попросила я.

– А не заботитесь? – даже не думая отговаривать, вместо ответа спросил Евгений Донатович, по-ленински хитро сощурившись.

– Честное слово! – подхватила я.

Мы спустились в морг, на цокольный этаж. Широкие коридоры с низкими потолками и облупившейся плиткой тоскливого зеленого оттенка создавали соответствующее месту настроение.

– Вот, пожалуйста, – мужчина указал на стул в секционной. – Я скажу санитарам, его привезут. Пока вот вам, держите, – он протянул мне фартук и шапочку. Правила – они такие правила! Я облачилась в местную «униформу» и принялась ждать.

Помещение, где проводили вскрытия, отделялось небольшой ширмой с желтыми от кипячения в автоклаве простыня-

ми. Я сидела в смежной комнате, которую, насколько я могла судить, приспособили для бумажной работы.

Шкаф для одежды, полки со справочниками по патанатомии, халаты и клеенчатые фартуки, ожидающие своего часа, – почти все, что тут находилось. Был еще письменный стол, определенно знавший лучшие времена, заваленный раскрытыми тетрадами с таблицами данных. В углу деловито шумел системный блок, экран мигал, то «засыпая», то вновь возвращаясь в активный режим.

Наконец привезли тело. На металлическом столе, с грубым швом по всему туловищу после вскрытия, лежал Кирилл. На его теле были ссадины и синяки, которые вполне можно было списать на неудачное падение в нетрезвом виде. Однако огромная гематома на шее говорила о том, что парня кто-то крепко приложил перед смертью.

– А как бы вы убили человека, чтобы не попасться?

– Сейчас почти всегда попадетесь. Токсикология и алгоритмы исследования очень эволюционировали за последние лет пятнадцать. – Евгений Донатович быстро надел перчатки и приступил к демонстрации. – Но если все-таки играть в преступников, то я бы сделал пару инъекций, провоцирующих остановку дыхания или сердечного ритма, куда-нибудь, где бы это не заметили при вскрытии. Например, в волосистую часть головы, подмышечную впадину или паховую область. – Он стал осторожно осматривать голову, стараясь не смещать скобы от трепанации.

– А если укол сделать в заранее травмированную область? – тоже надевая перчатки, спросила я.

– И тогда можно пропустить, – согласился он. – Но повторяю, то, что упустит судмедэксперт, не пропустит экспертиза тканей. Любая манипуляция имеет свой химический и физический след.

– Шея плохо выглядит. – Я слегка наклонилась для лучшего обзора. – Это не могло быть простым скоплением крови после смерти? Он же лежал на этом боку.

– Вы хорошо держитесь, – похвалил Евгений Донатович. – Действительно, посмертное скопление крови в тканях может выглядеть как обычный синяк, но в данном случае вполне очевидна травматизация тканей. Вот по какой причине это произошло – еще предстоит выяснить.

– Он совсем мальчишка, – неожиданно сказала я.

– Они сейчас все такие, – не отвлекаясь от осмотра, ответил мужчина. – Для современной молодежи вообще характерна некоторая инфантильность физического развития. А у нашего товарища ко всему была выраженная анемия. Уверен, это подтвердят анализы. Вам, кстати, – сказал он, снимая перчатки, – я бы тоже рекомендовал сдать кровь на гемоглобин.

– Это почему? – удивилась я.

– Бледность кожных покровов, синяки под глазами, наверняка вам постоянно холодно, а еще, и это самый верный признак, у вас светлые десны и язык. В норме они долж-

ны быть розовыми. – Он поднял палец, авторитетно подтверждая сказанное. – И можете не волноваться по поводу моей квалификации. Патологоанатомы и судмедэксперты – лучшие диагносты. Мы как терапевты, только картинка четче. Так что не тяните с лечением, иначе свалитесь в самый неподходящий момент без сознания где-нибудь.

– Спасибо. Учту.

Когда мы вернулись обратно, я посмотрела на руки Евгения Донатовича: он нежно толкнул болванчик, стоящий возле экрана.

– Что это? Профессиональный ритуал?

Голова павиана затряслась, вызывая непроизвольную улыбку у нас двоих.

– Отчасти. Это Хапи, бог бальзамирования у египтян. Кто-то из коллег принес. С тех пор каждый раз после вскрытия он «танцует», – мужчина рассмеялся. – Сбрасываем напряжение. В нашей работе это необходимо.

– Пожалуй, – согласилась я. – Но вы не похожи на суеверного человека.

– Нет, конечно, я – убежденный материалист. Но человеку необходимо индивидуальное мифотворчество, чтобы не сойти с ума. В этом плане мы все язычники. Вот вы, Татьяна Александровна, как примиряетесь с реальностью? – Он снова хитро посмотрел на меня.

– Не знаю, – растерялась я. – Бросаю кости.

– Неплохо, – одобрил Евгений Донатович. – И что, сбы-

вается?

– Почти всегда. Понятия не имею, как это работает, если честно. Я тоже не поклонница метафизики.

– А никакой метафизики и нет, – заявил он. – Просто ваша психика делает эти результаты верными. Только вы решаете, что скрывается за предсказанием.

Пока я выясняла детали, на улице поднялся ветер, бросая в лица прохожих колючий снег. Я подумала с тоской, что еще два часа – и извечную зимнюю тарасовскую серость накроют спасительные сумерки. Зажжется иллюминация, и жить станет немножечко легче. Я колебалась всего секунду, раздумывая, насколько уместным будет явиться домой к Асе со свежими пирогами. Решив, что уж если не она, так хотя бы Алевтина Ивановна на один вечер будет избавлена от бытовых бдений, я отправилась в пекарню.

Глава 3

Район, где жили Ася с мамой, в Тарасове называли вторым центром. Крупнопанельные пятиэтажки строили в конце шестидесятых, и теперь эти маленькие дворики, огороженные плотной стеной из тополей и вязов, устало ждали своей последней пятилетки. Расселять старые дома, как и проводить капитальный ремонт, городские власти не спешили.

Дверь мне открыла Алевтина Ивановна. В маленькой прихожей, кроме металлической вешалки, забитой верхней одеждой сразу всех сезонов, стояла тумбочка на высоких ножках и стационарный телефон на ней. Заметив мою улыбку, Алевтина Ивановна поспешила объяснить:

– У меня пожилые родители, и пользоваться мобильным телефоном для них тяжело. Поэтому созваниваемся по старинке. Кирилл очень любил этот аппарат. Он ведь совсем старый, еще с диском.

– Я приготовила вещи, – из комнаты вышла Ася. – Только вы не забирайте, пожалуйста, все, оставьте мне тоже немного.

– Я ничего и не планирую забирать. Вот, это вам, – я протянула матери кулек с выпечкой.

В комнате меня уже ждали вещи Кирилла. Он и Ася почти не расставались весь последний год. К лету должны бы-

ли стать бакалаврами и попробовать свои силы в магистратуре, в Москве. Что делать теперь, девушка совершенно не представляла. В растерянности пребывала и ее мать.

– Кирилл был из обеспеченной семьи, но совсем не избалованный, – начала Алевтина Ивановна. – И в быту все умел делать. Они с Асей жили в ее комнате, и я никогда не слышала от него грубого слова. Он был очень интеллигентный мальчик. Однажды я слегла с бронхитом и за мной Ася ухаживала, так он, представляете, – женщина всхлипнула, – все хозяйство на себя взял. Готовил, убирал, ходил за лекарствами, развлекал нас.

– Тут его учебники и конспекты, – начала перечислять девушка. – Личные записи. А вот это, – она протянула мне флешку, – мы снимали этим летом, когда отдыхали с друзьями. Почти все были на вечеринке в новогоднюю ночь.

– А можно мне поименный список и координаты? – попросила я, когда Ася, вытирая слезы, направилась к себе в комнату.

– Вам что-то удалось выяснить? – Алевтина Ивановна наклонилась ко мне, когда дочь закрылась в комнате.

– Почти ничего из того, что не сказали бы вам. Пока не будет результатов токсикологической экспертизы, что-то наверняка утверждать сложно. Не хочу ни обнадеживать вас, ни расстраивать еще больше.

– Понимаю, – согласилась женщина. – Думаю, после похорон нам всем станет легче. Как вы думаете?

– Наверняка. Нужно потерпеть, расследование идет, и, поверьте, идет без нарушений.

Пока Алевтина Ивановна суежилась над чаем, я рассматривала фотографии. На них были беззаботные Кирилл с Асей в учебных аудиториях или у друзей. Ничего, что могло бы навести хоть на какое-то подозрение относительно недругов Кирилла. Только упоение собственным счастьем и молодостью, когда кажется, что так, как сейчас, будет вечно.

Вернулась Ася со списком друзей.

– Какие отношения у Кирилла были с его дядей? – стоило прощупать почву перед ответственным знакомством.

– Кирилл его очень уважал, но каких-то душевных отношений у них не было. Мне кажется, Александру Николаевичу вообще тяжело с кем-то сближаться, просто человек такой. Мне он сначала показался даже грубым, но это не так. Он очень прямой, не дипломат ни разу, но зато надежный. Хотя я до сих пор перед ним слегка робею, – грустно улыбнувшись, призналась девушка.

– Кирилл ни с кем не ссорился в последнее время? Как он ладил с людьми? – продолжала я.

– Нет, вы что! – Ася улыбнулась, и я готова была поклясться, что сделала это в первый раз за все то время, что она осталась одна. – Он же такой открытый был всегда и веселый. Знаете, по-доброму так. Он умел договариваться. Единственное, – девушка нахмурилась, припоминая что-то, – Кирилл не рассказывал, но я поняла, что он плохо расстался

со своей бывшей девушкой. По крайней мере, ее брат часто что-то выяснял с Кириллом, но меня в это не посвящали.

– Чем Кирилл занимался помимо учебы? Может быть, где-то подрабатывал?

– У него были смены в музыкальном магазине на улице Республики. Он работал там еще со школы, очень любил это место. Может, слышали, самый старый магазин в городе? – обратилась ко мне Ася.

Конечно, я слышала о знаменитой «Грампластинке». Сама в свое время простаивала очереди, чтобы достать новенький альбом Боуи или Смитов. А уж когда подростковая ершистость уступила место неожиданным экспериментам, то вытащить из закровов записи шанхайского джаза или танцевальный джем двадцатых с характерным скрипучим при-свистом считалось высшим пилотажем среди таких же двину-тых товарищей.

Андрей до сих пор припоминал мне подаренный на двадцать третье февраля сборник шотландской волынки вместо ожидаемого другого культурного богатства гордых горцев – отменного виски. Но что поделать, если в тот момент крепкие напитки и однокурсники все еще плохо монтировались в моем сознании.

Я мысленно похвалила себя за пироги. За чаем, который, по мнению англичан, восстанавливает нормальность, Ася действительно слегка успокоилась и больше не вздрагивала от всхлипов, хотя глаза по-прежнему были на мокром

месте. Алевтина Ивановна просто тихо сидела и смотрела на дочь.

– Вы знаете пароли от социальных сетей Кирилла? – обратилась я к Асе.

– Что вы будете там искать? – насторожилась она.

– Все, что угодно. Мне нужны любые зацепки, чтобы начать строить версии. Кроме того, я хочу первой найти человека, у которого ваши товарищи купили наркотики.

Ася колебалась несколько секунд, но, решив, что потеря конфиденциальности уже произошла, согласно кивнула:

– Знаю. Как-то он говорил мне, – она написала пароль на бумаге. – Мне нужно было какое-то пособие для реферата прочитать. Оно было у Кирилла в закладках. Он и мои пароли знал. – Она глубоко вздохнула, чтобы побороть вновь подкатившие слезы.

Было около восьми вечера, когда я покинула их дом. Перед уходом я попросила Асю скопировать видео для себя. Мне предстоял вечер в социальных сетях с подставного аккаунта и внимательное изучение переписки Кирилла. Стоило крепко подумать обо всем, что я узнала сегодня. А кроме того, досадная усталость и озноб настойчиво твердили, что Евгений Донатович прав и лучше бы мне поскорее сдать ся на милость врачам.

Той злополучной ночью, когда погиб Кирилл, в коттедже, который достался ему от родителей, встречали Новый год четверо юношей и три девушки. Как рассказала Ася, празд-

ник планировался еще летом. С тех пор культурная программа и меню предстоящего застолья постоянно корректировались.

Как и во всякой группе, там были свои заводилы. Лучший друг Кирилла, Марат, отвечал за мясо. Шашлык вечером первого января должен был стать кульминацией праздника. Ответственным за напитки назначили Игоря, который поклялся не убить юных психологов паленым алкоголем. Девочки отвечали за всю прочую снедь. Интересно, в какой момент тщательно спланированная невинная вечеринка превратилась в сходку юных наркоманов? Видимо, Ася что-то недоговаривала. Или Кирилл ей не все рассказывал.

История его переписок была весьма разнообразна. Помимо обсуждения предстоящего празднества, у Кирилла случилась небольшая перепалка с Маратом, который, если судить по сообщениям, выступал чуть ли не инициатором покупки наркотиков. На каком-то этапе ребята даже создали группу, в которой обсуждались все нюансы предстоящей операции. И несмотря на то что Кирилл отчаянно сопротивлялся, большинство победило. Странно, что в этой группе не было Аси, ведь она тоже должна была ехать в коттедж на Новый год. Нужно непременно прояснить этот момент, а также неплохо бы забраться в переписку к Марату. Слишком уж он активный. И мне не слишком понравились его нападки на Кирилла.

Само чтение переписки – дело, конечно, увлекательное,

однако бросание разговорными фразами, даже иллюстрированными смайлами и прочей атрибутикой современного быстрого общения, все же не передает интонацию, с которой это общение велось. Иногда только тон разговора отличает ссору от дружеских подколов. К сожалению, сейчас, не зная контекста, это определить было почти невозможно.

Отвлечшись, я пропустила момент, когда кофейная пенка только начала приподниматься над краем турки. Громкое шипение вернуло меня в собственную кухню. Вьетнамская робуста, неожиданно найденная и удачно приобретенная мной аккурат в разгар предновогоднего ажиотажа, теперь призывно дымилась у меня в кружке. Только ради этого стоило поддаться на уговоры Ленки и влезть в народную толчею тридцать первого декабря.

«Иванова, хватит артачиться! Ты на машине, туда-обратно, за час управимся», – увещевала меня подруга. А я предпочитала магазин в доме на первом этаже. Мой отпуск, который я назначила себе еще в середине декабря, должен был в полной мере удовлетворить мою потребность в одиночестве. И если бы не этот кофе, сиротливо лежащий на полке между упаковками бразильской арабики, я бы не пережила получасовую очередь к кассе.

И все-таки из головы не шло предстоящее знакомство с дядей Кириллом. Знал ли он, что молодежь планирует устроить себе праздник непослушания? Что, если ему было наплевать на племянника? И уж совсем некстати закралась мысль,

что он имеет полное право отказаться от общения со мной, существенно снизив мои шансы на успех в расследовании этого дела. Идти в ногу с Папазяном, конечно, не самый плохой вариант, но я была гордой маленькой птичкой. Поэтому в своем арсенале имела парочку секретных приемчиков. В отличие от бывших коллег, я не нуждалась в разрешениях всех возможных инстанций. Я могла действовать осторожно, пусть и не слишком правильно с точки зрения общепринятых норм законодательства.

Но ссориться ни с кем не хотелось. Я была уставшей, в совершенной растерянности от предстоящего знакомства со «сложным человеком» и потенциального лечения анемии, в наличие которой я свято уверовала с отчаянной обреченностью ипохондрика. Моя милая, безотказная и непостижимая Ленка наверняка знала все про сложных мужчин и низкий гемоглобин. И то, и другое было такой же неотъемлемой частью ее жизни, как безденежье и способность влезать в истории.

Где-то между настойчивыми увещеваниями подруги о необходимости поглощения говяжьей печени с прополисом и требованием прекратить наконец одеваться как подросток из неблагополучного района я пообещала себе, что завтра непременно запишу себя на прием к терапевту, познакомлюсь с дядей Кириллом и даже постараюсь убедить Папазяна в жизнеспособности дружбы между мужчиной и женщиной. Строить несбыточные планы было моим любимым занят-

ем, в чем я, в отличие от многих, не боялась признаться.

Глава 4

Нравственная дилемма знакомства с Александром Николаевичем разрешилась сама собой. Ранний звонок Папазяна избавил меня от мучительного поиска предлога для встречи и выдумывания шпилек в ответ на возможные нелестные комментарии относительно собственной профессии.

– Консультант, – авторитетно заявил Гарик. – Ты будешь консультантом. Никто не знает, что это значит, но звучит внушительно. Я заеду за тобой через час. У меня ордер на обыск, можешь поучаствовать.

– А не поздновато с обыском являться? – удивилась я. – Или что-то стало известно?

– Слушай, я тебя работать не учу. Ты знаешь, я бессилён перед бюрократией и нормами закона, поэтому хватит умничать, собирайся! – все с таким же знанием дела скомандовал бывший сослуживец.

Спустя означенное время мы уже ехали «знакомить» меня с Александром Николаевичем. Есть что-то крайне неправильное в том, чтобы прежде личной встречи собирать информацию через третьих лиц. Один и тот же человек в этом случае может оказаться у кого-то прекрасным человеком, а у других полным ничтожеством. В случае дяди Кирилла все деликатно называли его сложным человеком.

Он открыл нам дверь. С виду очень спокойный и уверен-

ный мужчина лет сорока с небольшим. Высокий, темноволосый, слегка небритый. Одет был опрятно, но с той неуловимой долей небрежности, которая только добавляет лоска.

Мужчина прошел в гостиную и молча сел на диван, когда пошли за понятыми. Я осталась с ним. Секундное неловкое молчание, и я решаюсь:

– Здравствуйте! Иванова Татьяна Александровна, – представляюсь ему, протягивая руку. – Я помогаю следствию.

– И в качестве кого? – Он пожал мне руку в ответ.

– В качестве консультанта. – Он только вопросительно поднял бровь, и я поняла, что сменить тему не получится, надо либо врать, либо говорить правду.

– В каких отношениях вы были с девушкой Кирилла? – Если он их недолюбливал, то лучше не упоминать своих наемателей.

– С Асей? – Теперь он выглядел озадаченным. – В хороших. Веселая, красивая девчонка. Вместе с Кириллом учились. Мама у нее хорошая. А что?

– Ничего, просто я тут по просьбе Аси и Алевтины Ивановны. Они считают, что Кирилл не мог просто так замерзнуть, без веской на то причины. Это не похоже на несчастный случай.

– Я считаю так же, – просто ответил он. – Но я все равно не понял, чем вы занимаетесь.

– Я – частный детектив. Окончила академию права, работала в прокуратуре. У меня порядка трехсот раскрытых дел.

И предупреждая возможные вопросы, я достаточно компетентна, несмотря на свой возраст и пол, если это имеет значение, – отчеканила я, готовая уйти в глухую оборону.

– Да, вам непросто, – неожиданно мягко ответил он. – Что ж, рассчитывайте на мое полное содействие.

Немногие мужчины на моей памяти вот так легко соглашались с тем, что молодая женщина может вести следствие. Это определенно подкупало.

Начался обыск. Комната Кириллы находилась на втором этаже. Двухуровневая квартира расположилась в одном из домов, построенных в сытые нулевые сразу за администрацией города. Эти дома в народе тут же прозвали сиротскими. Такое прозвище жилища получили потому, что, по слухам, на застройку шли деньги, выделяемые бюджетом для обеспечения квартирами детдомовцев. Пока следователи просматривали документы и изымали телефоны и другие носители информации, я наблюдала за Александром.

Он был спокоен, хотя ему совершенно точно не нравился обыск. Но то, как он терпеливо реагировал на то, что в его личных вещах рылись чужие люди в присутствии таких же чужих людей в качестве понятых, говорило о понимании произошедшей трагедии. Кроме того, он горевал. Это было понятно по тому, как он говорил о племяннике, когда на его малоподвижном лице помимо воли проступала скорбь. От этого мужчины так и веяло надежностью и силой. Рядом с ним произвольно хотелось поправить прическу, посмот-

реться в зеркало. Я даже стала говорить на тон выше. И все это без назойливого обольщения, какое было свойственно некоторым моим знакомым. Вот у кого Папазяну стоило бы поучиться держать себя!

– Вы женаты? Или, может, у вас есть кто-то? – игнорируя многозначительные ухмылочки Гарика, я ждала ответ.

– Разведен. – Мужчина не хотел продолжать, но я не опускала взгляда, вынуждая его говорить. – Жена не была согласна с тем, что я взял Кириюху к нам. У него тогда переходный возраст шел полным ходом. Сами понимаете, это было сложно. А я сразу поставил условие, что Кирилл теперь мне как сын. Да и кому его отдавать было? Бабушкам? Так они все болели уже, их и не стало почти сразу всех. А мы с Лидкой дружили очень, пацан меня знал. Тут без вариантов было.

– А потом разве не было попыток устроить личную жизнь? – вклинился Гарик.

– Были. Не сложилось, – ответил Александр.

На искусственном камине стояли фотографии маленького Кирилла с родителями. Красивая темноволосая женщина, в которой угадывались схожие черты с братом, и ее муж, светловолосый, крепко сложенный весельчак. Кирилл пошел в отца. То же открытое доброе лицо и обезоруживающая улыбка.

– Ася сказала, что последний год Кирилл жил с ней. Вы не возражали? – слишком все гладко получалось.

– С какой стати? Парню двадцать лет, взрослый уже, под-

рабатывал, учился. Она девчонка хорошая. Чего не жить? – снова удивился мужчина.

– Может, у вас были разногласия? Или он жаловался на что-то? – Гарик прощупывал почву, компенсируя отсутствие изящества прямоотой и авторитетом профессии следователя.

– Виделись реже, но созванивались регулярно. Они в гости ко мне по выходным приходили иногда. Кирилл диплом должен был в этом году защищать, поэтому, конечно, переживал. Но ничего такого, что бы заставило меня насторожиться.

– Ася сказала, что Кирилл плохо расстался с бывшей девушкой. Что вы об этом можете рассказать? – ревность всегда была сильным мотивом для убийства.

– С Ириной? – Александр грустно улыбнулся. – Они же совсем детьми были. Встретаться начали еще в школе. Просто переросли друг дружку в какой-то момент, а опыта, чтобы спокойно расстаться, у них еще не было.

Когда все было кончено, Александр остановил Гарика в прихожей:

– Когда мне отдадут тело? – В этот момент мне показалось, что мужчина постарел лет на десять.

– Думаю, уже скоро. Давайте я позвоню вам сегодня вечером и скажу точную информацию? – Они пожали руки и разошлись.

Я задержалась, пытаюсь придумать, что бы еще спросить у этого человека. Предстоящие похороны стали бы прекрас-

ным поводом внимательно рассмотреть ближайшее окружение Кирилла.

– Татьяна, – опередил меня Александр. – Я же могу вас так называть? – Получив утвердительный ответ, он продолжил: – Как я смогу вас найти, если вдруг что-то вспомню?

– Вот мои координаты. – Я вручила ему визитку.

– Частный детектив, – прочитал он. – Знаете, это впечатляет. – Он внимательно посмотрел на меня.

– Уж надеюсь, – улыбнулась я на прощание.

На улице меня уже ждал Папазян, наспех докуривающий сигарету. Бросив на меня оценивающий взгляд, он принялся меня отчитывать:

– Я не понял, Иванова, а откуда такое пристальное внимание к подозреваемому? – Он достиг нужного эффекта, внимание оперативников было обращено на нас.

– Элементарно, Папазян! – пришлось закатить глаза, чтобы соответствовать высокой планке драматизма, заданной Гариком. – Он – одинокий мужчина, я – красивая женщина. Мне можно рассказать то, что нельзя тебе. Понимаешь, куда я клоню? – Я села в машину.

– Ага! А вытаскивать тебя, если беседа примет откровенный характер, кто будет? Папазян! А слабо сразу со мной вести душевные беседы? – Он открыто веселился.

– Право, Гарик! Стоит ли портить платоническое молчание между нами ненужными спорами? Что, если ты окажешься посредственным собеседником? Все эти твои на-

стойчивые приглашения к диалогу как бы наталкивают на определенные размышления, – я двигалась по очень тонкому льду.

– Ой, да говори ты с кем хочешь! – смущенно выпалил Гарик под дружный смех коллег.

Прокуратура встретила знакомой суетой. Папазян галантно пригласил меня в кабинет, обещав не предлагать то, что они привыкли считать бодрящим напитком. Аналитикам привычно отдали разбирать технику, а мы с Гариком засели за разбор бумажек, записных книжек и чеков.

Дядя Кирилл, Александр Николаевич Гомон, владел несколькими торговыми точками и одним интернет-магазином. Это означало, что не обойтись без запросов в официальные службы.

– Знаешь, что меня до сих пор бесит и одновременно восхищает в моей работе? – Когда Гарик не изображал знатка женских душ, он становился приятным собеседником. – Ожидание. Все эти запросы, результаты экспертизы, а в это время у тебя преступники спокойно разгуливают по улицам. И в то же время, знаешь, – он заговорщически уставился на меня, – погуляйте, милые, я подожду. Сейчас все придет, и вы уже не отвертитесь. А! – Он хлопнул в ладоши. – У тебя не так?

– Почти, – согласилась я. – В нашем деле спешить – себе дороже выходит. Меня когда стал Киря учить, так первая вещь, которую он мне сказал, это: «Осторожно, Ивано-

ва, улики – вещь необъективная». Я только спустя несколько лет поняла, о чем он.

– О чем? – заинтересовался Папазян.

– Это было мое третье дело, – сортируя чеки по датам, я продолжила: – На первый взгляд обычная бытовуха. Брат зарубил брата-инвалида. Картина преступления предельно ясная. Лежит труп с топором в шее, всюду кровь, следы брата, который тоже в крови. Оба пьющие, работают сторожами. В общем, маргиналы махровые. А оказалось, у инвалида случился эпилептический приступ, который вызвал инфаркт, что и стало причиной смерти. Рана от топора была не глубокой, мужик упал на него. Артерия оказалась целой. И вот если бы на вскрытии сработали не так, брата бы посадили ни за что. Я с тех пор зареклась делать скоропалительные выводы.

– мудро, Иванова. Одобряю! Но кофе все-таки хочется. – Он жалостливо посмотрел на меня.

– Папазян, нам и так с этим до ночи возиться, – начала было протестовать я.

– А я все придумал, – Гарик развел руками в жесте фокусника. – Мы сейчас Снайпера пошлем в ближайшую харчевню с термосом за вареным кофе. Это же лучше, чем ничего? Я молодец? – Он искренне гордился собой.

– А кто такой Снайпер? – Я не работала в прокуратуре больше пяти лет и не особо следила за сменой личного состава.

– Сейчас покажу. – С этими словами он вышел из кабинета, чтобы спустя несколько минут втолкнуть стажера, вид которого говорил сам за себя. – Вот, это наш Павел Александрович.

Павел был худ и высок, а его зрение если и могло удостоиться прозвища Снайпер, то только среди прожженных циников. Тем не менее вышло презабавно, и Павел, который в сильном смущении кивнул мне, тут же поправил свои очки, через которые иной мог увидеть кратеры на Луне в ясную ночь.

– Очень приятно, Павел, – неловко улыбнулась я. – Вы правда не возражаете сбегать за кофе для нас с Гариком? Надеюсь, мы не очень вас побеспокоили?

– Что вы! – еще больше краснея, прокартавил Павел. – Для Гарика Вардановича мне не сложно.

– Воспитываем смену! – не без гордости отчитался Папазян, усаживаясь обратно за бумаги.

И на какое-то время промозглая январская хмарь отступила, выпустив кроткое солнце на улицу. Стало чуть легче думать о бедной девочке, на чью юность пришлось страшное горе, о мужчине с красивым и печальным лицом, у которого никого не осталось, и о молодом парне, лежащем на металлическом столе в секционной.

Глава 5

Один из магазинов, принадлежащий Александру, назывался «Домашний текстиль». Критически осмотрев свой нехитрый домашний скарб, я поняла, что в новом году мне без нового пледа делать нечего. Кроме того, читать сплетни работников на городских форумах, может, и полезно, однако стоило убедиться самой в том, насколько правы электронные жалобщики.

Небольшой магазин с красивыми витринами на улице Пушкина призывно мигал рекламными огнями. Внутри на аккуратно расставленных стеллажах красовались декоративные подушки, полотенца, пледы и симпатичные одеяла из импортной шерсти замысловатого плетения. Осторожно осматривая товар, я краем глаза следила, как консультант беседовала с кассиром.

Двигаясь между полками с корзинами для хранения и рулонными шторами, я постаралась незаметно подойти ближе. Но расслышать что-либо было сложно из-за негромкой музыки, играющей в динамиках. Тогда я устремилась непосредственно за тем, чего так не хватало моему дивану, – за красивым итальянским пледом. Я решила, что покупатель, делающий выручку, предстанет перед продавцами в более выгодном положении, чем зашедшая с улицы женщина с вопросами.

Мои расчеты оказались верны, и когда я вручила свою покупку, на лицах женщин появилась почти искренняя улыбка. Дальнейшее было делом техники.

– Здравствуйте, девочки! У вас прекрасный магазин. Порадовали.

– Добрый день! Очень приятно. Что-то еще вам подсказать? – прощebetала та, на табличке которой было написано «Василиса».

– Даже не знаю. Может быть, портьерные ткани? – не то чтобы мне были так уж необходимы новые шторы, но я все равно собиралась обновить интерьер, правда, о сроках я с собой не договаривалась.

Меня повели через главный зал в следующее помещение размером поменьше, но все уставленное внушительными стойками с образцами полотна.

– В какую комнату вы планируете брать шторы? У нас проходит акция, до конца месяца бесплатный пошив штор, если ткань вы приобретаете в нашем магазине, – девушка выдала заученную информацию и ждала ответа.

«Неплохо», – мысленно я похвалила себя. Жиденский тюль в моей гостиной был спорным решением даже на момент своей покупки.

– Я думаю, парча подойдет. А скажите, возможно, вопрос не совсем к вам, может быть, вы в курсе, у вас в магазине есть свободные вакансии? – при таком резком переходе главное – соорудить максимально растерянную мину.

– А что, слезка за неверными супругами уже не приносит доход? – Я не заметила, как слева от меня открылась дверь и на пороге появился Александр.

– Сейчас как раз не сезон, – подыграла я. – Командированные прилетят только весной.

– В таком случае милости прошу в мой кабинет на собеседование. Надеюсь, вы захватили диплом? – Этот мужчина умел держать лицо, на котором не промелькнуло и тени веселья, если бы не глаза, в которых читался неподдельный интерес.

– Всегда со мной. – Я постаралась придать своему лицу такое же бесстрастное выражение. – Со шторами я, пожалуй, повременю. – Теперь настала очередь Василисы выглядеть растерянно. – Но вот от пледа не откажусь.

Кабинет Александра был обычной подсобкой с расставленными вдоль стен коробками и тюками с товаром. Посреди комнаты стоял небольшой стол с ноутбуком, потрепанное компьютерное кресло и старый пластиковый стул, видимо, для приема гостей.

– Грубо работаете, – наконец позволил себе улыбку мужчина. – Могли бы просто позвонить.

– Могла бы, но тогда пропал бы эффект неожиданности, – мягко возразила я. – Если это ваш основной офис, то вам нужны не мои услуги, а дизайнера интерьеров.

– Тут вы, конечно, правы, но я уже полгода работаю из дома. – Александр опустил взгляд на свои сцепленные в замок

руки. – Офис пришлось продать. Что еще вас интересует? Вы же здесь не ради меня красивого.

– К сожалению, – искренне призналась я, чем вызвала недоверчивую усмешку у собеседника. – Пока запрос в официальные органы будет удовлетворен, я решила сама собрать информацию, послушать сплетни, осмотреться на месте. А тут вы. – Я состроила мину, имитируя недовольство.

– Мне жаль, – как-то невесело сказал Александр. – Но повторю, вы можете спросить у меня.

– И о чем мы еще узнаем, помимо вашего банкротства? – Если он хотел поиграть в честность, то кто я такая, чтобы ему в этом отказывать?

– О том, что я постепенно распродаю все, что не уйдет за списание долгов. Моя квартира, где вы были, тоже продается. Коттедж... – Он помолчал. – Когда все закончится. Он достался Кириллу от родителей. И счет в банке. Сестра с мужем были небедными людьми. – Он внимательно посмотрел на меня. – Что скажете? Теперь еще больше оснований подозревать меня?

– А вы единственный родственник Кирилла?

– Единственный.

– Тогда да, – без обиняков подтвердила я.

– Послезавтра похороны. – Александр сел прямо. – Я подумал, вам нужно знать. Проститься придут его друзья. Приходите, и вы увидите всех, кто был с ним тогда. – Он снова неопределенно хмыкнул. – У меня был разговор с Алевти-

ной Ивановной, и мы все уладили. Я компенсировал ей расходы на ваши услуги. Теперь формально вы работаете на меня.

– Нет, я работаю на Алевтину Ивановну и Асю, – твердо ответила я. – Ваше решение благородно, вот только меня оно не касается. Я по-прежнему отчитываюсь перед ними.

– Простите, если обидел, – ничуть не смутившись, сказал он. – Я понимаю.

Прощание вышло смазанным и немного неловким, однако Александр не торопился отпускать меня.

– Насколько у частного детектива строгие правила относительно обеда с подозреваемым? – В том, как он это предложил, не было ни тени кокетства, только желание пообедать.

– Давайте подождем, когда все закончится? – ответила я, помимо воли мило улыбаясь.

– Вы придете ко мне в тюрьму? – поддел он меня.

– Передачу точно оставлю, – пообещала я, закрывая за собой дверь.

Глава 6

Осмотр места преступления – как лакмусовая бумажка на выявление таланта к раскрытию преступлений. Все новички поначалу ведут себя строго по рекомендациям в учебниках по криминалистике. И только со временем они учатся замечать детали. Дело тут не столько в наблюдательности, сколько в способности примерить на себя роль преступника и его жертвы, чтобы как можно более точно воссоздать картину произошедшего у себя в голове.

Конечно, это не поможет тут же вычислить преступника, хотя и такие случаи были в полицейской практике, но это помогает понять причины случившейся трагедии, а значит, определить подозреваемых.

И я отправилась в коттедж, не дожидаясь разрешения Александра и не ставя в известность Папазяна. Возможность сосредоточиться на осмотре, не отвлекаясь на комментарии Гарика, я ценила очень высоко.

Двухэтажный кирпичный коттедж, который стоял чуть поодаль от остальных дач, на фоне светлеющего утреннего неба казался выше, чем есть. Ветер еще не успел разметать оградительные ленты у того места, где нашли тело Кирилла.

Оставив машину подальше от дома, я принялась за осмотр. Найти следы преступника спустя почти две недели после убийства на улице, где почти через день валит снег и

метет метель, я не особенно надеялась. Даже если ударившие заморозки что-то и сохранили, где гарантии, что это не следы полицейских машин? Поэтому я постаралась представить себе, как бы двигалась я, будь убийцей Кирилла.

Евгений Донатович говорил, что положение, в котором нашли тело, очень напоминает позу остановки после падения. Если он вышел в ночь к преступнику и между ними завязалась драка, то руки Кирилла должны были как минимум сохранить следы кожи или одежды злоумышленника. Но руки были чистыми, и это тоже могло значить, что либо он не успел сориентироваться, либо не дрался. Опять же следов драки тоже не нашли.

Что, если Кирилла вытолкнули из машины? Следы засыпал снег, затоптали ребята, когда обнаружили тело, оперативники тоже могли порушить «культурный слой». Я осмотрелась. Подъезд к коттеджу был только один. Дальше шел лес и участки. Решись убийца ехать по сугробам, то он бы застрял наверняка и тогда бы следы точно остались. Но снежное поле было чистым, с аккуратно проглядывающим забором по краям чьего-то участка, выходящего к лесу. А это значило только одно: убийца должен был развернуться, чтобы выехать обратно на дорогу.

Я стала аккуратно обходить территорию перед воротами. Она была достаточно большой, чтобы на ней могли развернуться мусоровоз или ассенизатор. Убийца, должно быть, нервничал: судя по тому, как нашли тело, он не был опыт-

ным душегубом. Стало быть, траектория его маневра была большой.

Двигаясь медленно, чтобы не пропустить и намек на припорошенный снегом автомобильный след, я с удивлением обнаружила, что мусорный контейнер слегка сдвинут с места. Я сомневалась, что в это время года сборщики мусора приезжают в эту часть поселка. Те немногие, что жили здесь круглый год, выносили мусор к главным воротам. А чтобы добраться до коттеджа, нужно все-таки сделать крюк, и зимой, когда здесь никто не живет, этим вряд ли будут заниматься.

Я опустилась на корточки и внимательно осмотрела контейнер и снег рядом с ним. Там определенно читались отпечатки шин. Сам контейнер был слегка поцарапан, и на нем виднелась синяя краска. Чуть дальше за ним, где снег лежал высокой спрессованной кучей, под свежим, еще легким слоем снега, был виден высокий след автомобиля. Подумав, что Папазян меня со свету сживет, если это окажутся следы полицейской машины, я все равно, втайне предвкушая победу, ринулась к своей машине за инструментами. Мне нужна была масштабная лента, чтобы правильно снять отпечаток. А также кое-что еще для того, чтобы взять образец краски с контейнера.

Что ж, это был неплохой улов для начала расследования. Если честно, идя на сотрудничество с кем-то из бывших коллег в расследовании, всегда есть опасность поддаться соблаз-

ну просто ждать официальных результатов. Но это долго, а мне не чужд дух соперничества. Поэтому когда я заходила в кабинет к Папазяну с добытыми вещдоками, я делала это так, словно проходила через триумфальную арку, демонстрируя богатые трофеи.

– Только не говори, что ты ездила к коттеджу, – начал было он.

– Скажу, родной, – я опустила ему на стол пробирку с тем, что удалось соскрести со стенки мусорного ящика. – Пусти меня за свой компьютер, я тебе еще и фото скину.

– Черта с два ты за него сядешь! – тут же начал защищаться Папазян. – Сам скину. Давай сюда!

Дискомфорт, который испытывали мои бывшие сослуживцы, если им приходилось работать со мной, объяснялся очень просто. Они были связаны нормативными актами, определяющими их деятельность. Меня же контролировали не так тщательно. Для них убийство в новогоднюю ночь молодого человека с явными следами передозировки наркотиками – заурядное бытовое дело. Тщательность сбора улик в этом случае страдает, потому что и так вроде как все ясно. Для меня же каждый клиент и его история уникальны. А никто не любит, когда их тычут носом в собственные ошибки. Поэтому надеяться на теплый прием с моей стороны было бы глупо.

– Ты, главное, Гарик, не сильно расстраивайся, – сегодня я точно не собиралась быть дипломатом. – Помни, что у тебя

есть Иванова, готовая всегда прийти на помощь!

– Помощь у тебя, Танька, своеобразная, – отозвался Папазян. – Не та, о которой прошу.

– Ты просто придираешься, – ответила я.

Глава 7

Прощальный зал городского морга наполнился людьми. Друзья Кирилла держались вместе. В изножье гроба росла охапка цветов. Несколько венков, прислоненные к столу, ожидали своего часа отправиться на кладбище.

Ася стояла рядом с гробом и, казалось, была еще меньше, чем я ее запомнила. Черный несуразный пуховик, видимо, с чужого плеча, черная же косынка и трясущиеся руки. Алевтина Ивановна тихонько плакала. Согласно печальному протоколу, она время от времени раздавала носовые платочки вновь прибывающим. А потом снова подходила к Асе и кротко смотрела на нее.

Почти у самой головы Кирилла стоял Александр. Иногда он подносил руку к глазам и громко втягивал носом воздух. Взгляд его был потухшим и злым.

Народу было не очень много. В основном это были друзья Александра, несколько коллег с работы и кто-то из преподавателей. Я стояла немного в стороне и не столько наблюдала, сколько прислушивалась к разговорам. Одни искренне недоумевали, отчего такой смысленный мальчик мог вот так замерзнуть в нескольких метрах от дома. Другие строили неправдоподобные теории, ухитряясь сплетничать даже в таких обстоятельствах.

– Вы друзья Кирилла? – спросила я молодых людей, кото-

рых опознала как Игоря и Марата, бывших в ту ночь в коттедже. – Хорошо, что вы пришли! – Пусть думают, что я сердобольная родственница.

– Да, мы учились вместе, – ответил Марат. – У нас один научный руководитель.

– Кто? – удивилась я, но вовремя нашлась. – Он здесь? Хочу поблагодарить от имени семьи.

– Вот тот бородатый мужчина, – указал Игорь. – Сутулится сильно. Федор Петрович Овсянников. Из нас троих Кирилл был ближе всего к нему.

Мне нужно было подобраться к переписке Марата. Время и место представлялись мне идеальными – даже если юноша обнаружит пропажу телефона, то постесняется разводить бурную деятельность прямо на похоронах. Единственным препятствием между мной и его перепиской был пароль.

– Простите, – усердно смущалась я. – Мой телефон разрядился, не дадите свой, мне позвонить работникам кладбища. Нужно предупредить, что мы едем. Они просили. – Я смотрела прямо на Марата.

– Пожалуйста, – протянул он мне телефон. – Пароль пятнадцать, двадцать, восемнадцать.

– Спасибо, мальчики. Вы же останетесь потом на поминки? – Я продолжала играть свою роль, вызывая сочувствующие и одновременно заинтересованные взгляды окружающих.

Выйдя на улицу, я сделала вид, что звоню. Последние

звонки были адресованы Асе, что делало картину весьма интересной.

– Вот, – я вернула телефон Марату. – Вы его приберите, пожалуйста, а то неудобно как-то рядом с гробом светить.

Мой расчет оказался верным. Смутившись, молодой человек сунул телефон в карман пуховика, смущенно откашлявшись в кулак. Мне же оставалось просто еще раз поблагодарить и слегка приобнять друзей Кирилла, незаметно скользнув рукой за переговорным устройством.

Священник стал читать отходную. Размахивая кадилом и растягивая в речитативе слова молитвы, он двигался из стороны в сторону, выделяя интонацией места, на которых следовало перекреститься.

– Добрый день! – поздоровалась я. – Вы преподаватель Кирилла? Я не ошиблась?

– Да, добрый день! – Мужчина слегка откашлялся, поправляя у горла шарф. – Я его научный руководитель...

– Федор Петрович? – не дала закончить я. – Можно мне с вами как-нибудь поговорить? Я почти не видела Кирилла последнее время, даже не представляю, чем он жил. А о вас он всегда очень тепло отзывался. Вы не будете возражать? Я ненадолго.

– Что ж, это весьма неожиданно, – неловко ответил Федор Петрович. – У меня будет завтра небольшое окно в два часа, если вам удобно. Подходите на третий этаж, кафедра возрастной психологии.

– Спасибо! – горячо поблагодарила я.

Двери открылись, и всех пригласили на выход. Снаружи ждал арендованный «пазик», готовый отвезти всех желающих на кладбище. Александр молча прошел к белому микроавтобусу, выполняющему роль катафалка. Он подождал, пока гроб с телом поставят в салон, и обернулся ко мне. Тихо, чтобы слышала только я, он попросил: «Вам не стоит ездить на кладбище, но я хочу видеть вас на поминках».

Решив держаться подальше от Александра, я все же увязалась за траурной процессией. На кладбище уже было все готово. Я не могла остаться незамеченной, подойдя ближе, поэтому наблюдала, объехав нужный сектор сбоку.

Гроб снова был открыт. Каждый, кто был рядом, наклонялся к Кириллу в последнем жесте прощания, перед тем как он навсегда обретет покой среди редких сосен и других могил.

Отвлечшись от тягостной картины, я занялась перепиской Марата. Мальчик был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд. Асе он звонил не просто постоянно в последнее время, что вполне могло сойти за проявление заботы, но он и раньше писал ей. А вот это уже определенно интриговало. Например, тридцать первого декабря, как раз незадолго до гибели Кирилла, Марат справлялся о здоровье Аси, а потом разродился целым опусом о том, почему Кирилл плохой бойфренд.

Мы имеем дело с любовным треугольником? Тогда Ма-

рат держится поразительно хладнокровно. Другие сообщения Асе были уже не такого подозрительного содержания, но молодой человек отправлял их регулярно. Для того, кто был лучшим другом убитого, это, по крайней мере, странно: Ася была любимой Кирилла и, судя по ее реакции на его смерть, она любила его не меньше.

Стоит расспросить ее, когда она немного отойдет от похорон. Все это представлялось мне крайне любопытным. А потом я нашла то, что стоило найти давным-давно. Сообщение от неизвестного абонента, присланное двадцать девятого декабря, гласило: «Сквер за кинотеатром „Космос“. В лукошке у Красной Шапочки». Что это, как не указание на закладку? Скопировав номер, я отправилась в кафе, где нам снова предстояло всем встретиться.

На поминках народу было еще меньше. Остался только самый близкий круг. Неловкое молчание над кутьей, слабые возгласы «хороший был парень» и сочувствующие взгляды со всех сторон. После того как телефон был возвращен его владельцу, я села рядом с Асей, которая теперь перестала плакать и только молчала.

– Вы мне будете нужны завтра, Ася. – Я наклонилась к самому уху девушки. – Я приду поговорить с научным руководителем Кирилла и потом хотела бы побеседовать с вашими одногруппниками. Пусть я буду дальней родственницей, как будто мы с вами давно знакомы, просто долго не виделись. Для правдоподобности давайте перейдем на «ты».

Ася молча кивнула головой. Когда разговоры стали громче, а мужчины деловито отправились покурить, я воспользовалась общей суетой и тоже вышла из-за стола. Уйти, не попрощавшись с Александром, было бы невежливо.

– Примите мои соболезнования, – я протянула ему руку. – Мне пора.

– И что вы будете делать дальше? – Все то же злое выражение лица.

– Работать, – просто ответила я.

– Работать. – Он помолчал, как будто раздумывал над ответом. – Значит, мне вы не скажете?

– Вам не скажу. – Что ж, следовало признать, что временами Александр мог быть очень неприятен. – И никому, кроме полиции, о своих выводах я говорить не буду.

– Свой гонорар вы из моего кармана получите, – зло прошипел он.

– И дай вам бог здоровья! – слегка поклонилась я. – Еще увидимся, Александр.

Выводы подождут, каждый скорбит по-своему. Я отправилась напрямик в прокуратуру. Стоило обсудить с Папазяном дальнейшие действия и узнать, не пришла ли токсикологическая экспертиза. Точная причина смерти стала бы контрольной отметкой, оттолкнувшись от которой можно найти выход из этого лабиринта.

Но моим надеждам на готовую экспертизу не суждено было сбыться. Папазян сидел в дубленке, тяжело дышал, жадно

прикладывался к бутылке с водой.

– Трудная ночь? – предположила я.

– Трудное утро и просто ужасный день, Иванова, – широко улыбнулся он.

– Рада, что тебя не сломить. Так держать! Завтра беседую с одноклассниками Кирилла, – сообщила я. – Ты мне не дашь координаты его бывшей девушки? Вроде как они плохо ладили.

– Думаешь, ревность? – Мужчина стал что-то искать в ящике стола. – Ты только одну версию отработываешь, что ли?

– Обижаешь, Гарик. – Я достала из сумки записную книжку. – Друг Кирилла вроде бы неровно дышит к Асе. Еще мотив мог быть у дяди. Тебе скоро придут документы из налоговой. И ты узнаешь, что Александр Николаевич кругом должен, распродает имущество, и наследство племянника для него – единственный шанс остаться на плаву. – Я победно посмотрела на Папазяна. – Но это очевидно. Завтра скажу тебе что-нибудь еще.

– Что, надеешься на смазливую мордашку? – Если Гарика долго игнорировать, то рано или поздно он становился хамом.

– С тобой же сработало. – Подробности, как я успела убедиться, флирту со следователями только вредили. Профессиональная дотошность не оставляла места для маневра. Поэтому от греха подальше, наскоро пробормотав благодарно-

сти, я поспешила оставить незадачливого ухажера.

* * *

Маленький дачный домишко никак не хотел прогреваться. Старая печь, которую не топили с прошлого сезона, теперь недовольно фыркала и никак не хотела разгораться.

– Ты почему сразу ко мне не пришел? Я бы тебя в Египет отправила, у Томы как раз места были. Учишь, учишь тебя! – ворчала женщина, сидя на коленях перед чадающей сырой печкой. – Хорошо еще, что сестра сюда пустила.

– Вот что ты снова начинаешь?! – огрызнулся в ответ мужчина. – Я ж не просто так, я сына защищал!

– О, – протянула женщина, с карикатурным почтением повернувшись к собеседнику. – Ты защитил! Сходи лучше сбеи кастрюлю с трубы, пока не угорели тут. Лестница на веранде лежит.

Мужчина пошел к выходу, но на пороге повернулся к жене. Та подкладывала розжиг в печь, ловко закидывая горящую щепу и бумагу, но отсыревшие от снега и холода дрова не давали ничего, кроме дыма и копоти.

Глава 8

Специфический запах учебных аудиторий пробудил во мне ностальгию. Странное все-таки время – студенчество. Первые пробы взрослой жизни, попытки заработать, романтические приключения, которые всегда воспринимаются серьезнее, чем есть на самом деле, и бесконечная зубрежка. Вспомнить приятно, но боже упаси вернуться туда!

Как и было условлено, Федор Петрович уже ждал меня возле кафедры. Посвятивший всю свою жизнь разработке и внедрению в жизнь различных стратегий обучения, к шестидесяти годам он снискал себе степень доктора наук и звание доцента. Мы поздоровались, и он проводил меня в пустую аудиторию.

– Мы не виделись с Кириллом с конца прошлой весны, – начала я свой «допрос». – Я его сестра со стороны отца. Мы писали друг другу в соцсетях, но сами понимаете, это не то. Вы не заметили, может, с ним что-то нехорошее происходило? Я очень боялась, что он снова замкнется в себе, как это было после смерти родителей.

– У Кирилла умерли родители? – Видимо, не настолько Кирилл был близок с ним. – Я ничего не знал.

– Ему было четырнадцать. Не мне вам объяснять про сложности этого возраста, – не преминула я польстить доценту.

– Что ж, все это делает конечную картину еще трагичнее, полагаю. – Он вздохнул и скрестил руки перед собой. – Нет, ничего необычного с Кириллом не происходило. Разве что он внезапно решил поменять тему диплома. Видите ли, он занимался проблемой внедрения новых технологий в учебный процесс. Но вот в сентябре он огорошил меня тем, что хочет исследовать природу зависимостей у детей среднего и старшего школьного возраста. – Мужчина только развел руками. – Тема очень сложная, обширная, с большой экспериментальной базой, очень много пересечений с медицинским академическим дискурсом. Я был категорически против, но он настоял.

– И как продвигалась работа?

– Как ни странно, хорошо. Кирилл был способным студентом. Сразу создал протоколы опросов, начал изучать научную базу. Мы встречались каждую неделю, и не было ни одной встречи, когда бы он не принес мне наброски глав или свои выводы касательно экспериментальной части. Он даже, – тут Федор Петрович горделиво откашлялся, – стал сотрудничать с психиатрическим отделением Первой клинической больницы. Я делал для него официальный запрос за подписью ректора. Знаете, большая редкость – искреннее рвение у студентов, – грустно продолжил он. – Когда это встречаешь, у самого появляется вдруг такой азарт! Поэтому мне жаль, что Кирилл так рано ушел. Действительно жаль.

– Спасибо вам, Федор Петрович, – сказала я, расчувство-

вавшись, словно действительно знала Кирилла.

Внизу меня уже ждала Ася вместе с подругой.

– Знакомьтесь, это Аня, она вроде как дружит с Маратом, – указала она.

– Все сложно, – не без улыбки поправила Аня. – Я была тогда в коттедже.

– Ужас! Сильно испугались? – Следовало проявить сочувствие, если впредь я хочу заручиться доверием ребят, к тому же потенциальная девушка Марата совершенно точно могла подозревать о чувствах своего ухажера к своей подруге.

– Сильно, конечно, – согласилась Аня. – Утром голова-то не соображает вообще, а тут такое.

К нам подошли Марат с Игорем, и разговор плавно принял вид обзорной экскурсии, пока звонок Ане не прервал наш вольный поход по корпусу. Она сообщила, что оставшаяся часть компании уже сидит в «их месте».

– Пойдем, Тань, посмотришь, где Кирилл любил бывать. – Ася доверительно взяла меня за руку, пресекая все возможные возражения и вопросы со стороны друзей.

Их местом оказалось студенческое антикафе «Рюкзак», что открылось в старом здании бывшего общежития. Оставив символическую мзду за посещение, мы отправились к остальным, что расположились за круглым столом недалеко от входа.

– Маша, Виталик, Света, Денис и Артем, – махнул рукой по направлению к молодым людям Марат. – А это Кирюхина

сестра. Видели на похоронах.

– Привет! – стоило привыкнуть к воде, прежде чем нырять.

– Я думала, Кирилл был единственным ребенком, – задумалась Маша.

– Таня – двоюродная сестра, живет в другом городе, – пришла мне на помощь Ася.

– Мы дружили, но давно не виделись. Все не могла выбраться. – В этом деле главное – долго не раздумывать.

– Далеко живете? – поинтересовался Виталик.

– В Зеленограде, – соврала я. – Вы меня простите, что снова поднимаю эту тему, но как вы его нашли? Что случилось? Аси там не было, Саша наотрез отказывается что-то объяснять. – Молодец, Таня, опусти глаза и жди.

– Да фигня какая-то! – начала Света. – Вроде бы только что все веселились, собирались играть в мафию. Точно помню, встретили Новый год, Кирилл пошел звонить Асе. И все, больше я его не видела живым. Утром Виталик пошел за дровами и... – Тяжелую паузу никто не хотел нарушать.

– Мы его даже не хватились, – призналась Маша. – Прости, Ась, мы укуренные в хлам были. – Ася молча кивнула, плотно сжав губы.

– А я проспал Новый год, – тупо уставившись в пространство, сказал Игорь. – Проснулся, а надо мной полиция стоит. Думал, все, кранты мне. Оказалось, не мне.

– Давайте просто помянем Кирилла, посидим тут, как

раньше. Он любил это место, – предложила Аня. – Кто что пить будет?

Я скептически оглядела бар, где виднелся модный кофейный аппарат, источающий такие любимые запахи. Но разве можно вот так запросто преподнести то, что должно родиться в тишине и почтении?

– Мне какао, – попросила я, ничуть не жалея о своем выборе. Кофе был прекрасен во многих отношениях, но, к сожалению, не согревал.

– Во что сегодня? – спросил Марат, когда поднос с напитками и сухарями опустился на стол. – Кирюха просто помешался на играх. Обычно мы играли в нарды, но потом были периоды бинго и покера.

– Мы играли на спички, – пояснила Ася. – Денег все равно было негусто.

– Давайте бродилку, – предложила Аня. – Особенно думать сегодня не получится.

– Тогда «Сокровища Африки», – скомандовал Виталик. – Возраст шесть плюс, я должен справиться.

Игра не была особенно сложной. Ее правила были знакомы каждому, кто хотя бы однажды бросал кости и передвигал фишки по рисованной карте. Охота шла за бриллиантом, на пути к которому игроков поджидали дикие племена, непроходимые ущелья и редкие подарки в виде камней попроще. Выигрывал тот, у кого по итогу было больше всего очков, или тот, кому доставался главный приз.

– Я так и не поняла, почему Кирилл резко сменил тему диплома? – начала я. – Он мне говорил, что у него почти все готово к выпускным экзаменам. Зачем ему были нужны эти сложности?

– А с ним никогда не угадаешь, – ответил Игорь. – На пустом месте буквально раз, – он бросил кости, – и все, новая тема.

– У Кирилла часто бывали внезапные озарения, – осторожно сказала Ася. – Это было в его стиле. Никто даже не удивился.

– Вы часто отдыхали вместе? – настала моя очередь двигать фишки. – Я помню, он рассказывал, что этим летом вы ездили на турбазу.

– Да, классно было, – отозвалась Света. – Четыре дня балдели. Ну, знаешь, шашлыки под пиво вечером, весь день купаешься, загораешь. – Она мечтательно улыбнулась.

– Тоже, кстати, Кирюхина идея была, – поделилась Маша. – Заводила был.

– Мы еще в октябре куда-нибудь собирались выбраться ненадолго, – снова начала Ася. – Но у него денег не было, да и времени, честно сказать, тоже. Он все с кем-то по телефону договаривался. А потом как-то не до того стало.

Я слушала этих людей и не могла отделаться от впечатления, что читаю биографию кого-то из классиков в школьном учебнике. Так все было умильно и правильно, однако окоченевший труп с явными следами борьбы не особенно уклады-

вался в эту идеальную картину мира. Либо его друзья не все знали о Кирилле, либо Ася по какой-то причине скрыла от меня что-то. А в том, что она сознательно не стала упоминать о попытках ухаживания за ней Марата, я уже не сомневалась. Вот только зачем ей это делать?

– Кирилл же не пил совсем, при мне так точно, – я в очередной раз попыталась докопаться до правды. – А вы сказали, что курили и пили. Он тоже? Может, его с непривычки так?

– Не, Кирюха не пил, говорил, что от одного запаха спиртного его тошнит, – сказал Марат. – Но мы и не настаивали. Сами нечасто этим баловались. Пиво в основном. А Кирюха только минералочку да лимонад. «Дюшес» обожал.

Если все утверждают, что в ту ночь Кирилл был трезв, то как он оказался на морозе в одном свитере? Если предположить, что выходил он на минутку, то почему обулся? За каждым новым поворотом оказывался очередной тупик.

Размышления прервало сообщение от Гарика. Следовало снова углубиться в изучение улик. Пришло заключение судмедэксперта, и картина убийства предстала совсем в другом свете.

Глава 9

Папазян выглядел неважно. Усталый и злой, он ходил по кабинету и требовал рассуждать вслух. Так ожидаемая нами токсикология только добавила вопросов. По всему выходило, что перед смертью Кирилла ударили, он защищался. Смерть наступила в результате остановки дыхания на фоне передозировки героином.

– У них были несколько бутылок полусладкого шампанского, минералка и немного пива, – Гарик почти кричал на меня. – Откуда там герыч?! Смотри, – тыкал он в меня отчетом. – Алкоголя в крови не нашли. То есть пацан не пил. Напоминаю, Новый год они встретили. Два часа ночи. К кому он так смело вышел?

– Доза небольшая, – отметила я. – Чистый, что ли?

– Похоже.

Я снова и снова смотрела на фотографии с места преступления. Умер Кирилл точно не там, где его нашли. Очевидно, что тело выбросили.

– Не было следов от шин рядом с телом? А то, что я принесла тебе, не следы от ваших машин? – поинтересовалась я.

– Ночью был снегопад и оттепель, поэтому возле самого тела мало что удалось идентифицировать. То, с чем пришла ты, вроде бы принадлежит «Хонде». Кстати, синяя краска тоже фирменная «хондовская». Так что молодец, Иванова,

утерла нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.